

Часть 4

Прощание с университетом затянулось. Дело в том, что председатель экзаменационной комиссии и его заместитель сначала уехали в командировку, а потом в отпуск. Поэтому получение диплома отложилось на конец августа. Т.е. выпускники матфака должны были получить уже заполненные, но не подписанные дипломы в конце лета. Благодаря этому обстоятельству не только вторую половину пятого курса, но и все лето, и начало осени наш герой приходил в свой кабинет как член бюро комсомола, занимавшийся финансами.

По-прежнему приходили люди с принципиальными схемами новых приборов, и практически все студенты и преподаватели университета получали патенты на свои изобретения, а также годовой заработок ведущего инженера металлургического завода. За этот период в университете было запатентовано больше изобретений, чем за все предыдущее время. Обильная раздача денег тем, кто получил патенты, вновь спровоцировала ярость со стороны парткома университета. Его представители, часами сидя в кабинете, объясняли нашему герою, что изобретателям и рационализаторам вовсе не обязательно предоставлять такие крупные суммы, т.к. они якобы <...>. Кроме того, каждый из этих изобретателей с деньгами пытается создать свою собственную мастерскую в жилом доме, что создает пожароопасную ситуацию. Полезное замечание было тут же использовано: помогли военные. Они предоставили огромное здание в центре города, которое использовалось как гостиница для офицеров, но военные предпочли построить другую гостиницу, за городом, в живописном лесу. Момент

был удобный – здание перешло в распоряжение изобретателей и рационализаторов. Его оборудовали согласно новому назначению. Военные сохранили там охранную систему, и проход в здание посторонним был запрещен невзирая на лица. Изобретатели, как правило, днем работали на предприятиях, а вечером приходили в мастерские и занимались своими изобретениями. Трудно было с женатыми. Наш герой добился, чтобы жен оформляли в качестве лаборантов...

Претензии по технике безопасности были выполнены. Но оказалось, в частные мастерские можно было попасть и узнать, что там делается, а здесь – нет. Пищеблок был на уровне престижных ресторанов. Комплектующие изделия поступали бесплатно, но с условием, что их стоимость будет вычтена из гонораров. Через три месяца каждый изобретатель представлял принципиально новую схему измерения, хотя по нормативам полагалось всего одно изобретение в год. Но самое трудное заключалось в том, что единственным оценщиком всего обилия этих технических изобретений был наш герой. Все попытки пристроить сюда другого человека отвергались как преждевременные. Таких людей наш герой использовал в качестве консультантов. Как только те или иные патенты вручались авторам, консультанты вникали в суть и предлагали полезные дополнения, которые тут же заново патентовались, но уже в соавторстве.

Система работала настолько четко и, главное, так заслуженно оплачивалась, что все были довольны. Существовала некоторая категория консультантов, хотевших получать сведения до патентования и передавать их в руки некой «талантливой» молодежи, чтобы те якобы научились изобретать. Однако консультанты были загружены уже полученными патентами, их работа так хорошо оплачивалась, что они не пытались ссориться с нашим героем, т.к. в этом случае сотрудничество тут же приостанавливалось.

Партийные центры были довольны четкостью работы, но началась «холодная война» с целью вырвать в этом заведении власть. Однако каждый новый кандидат на это сразу докладывал о необходимости создания бюрократической системы по оценке патентопригодности. Тогда наш герой понял, что знает наизусть характеристики почти 20 000 патентов по всему миру. Феноменальная память помогала быстро ориентироваться, классифицировать и назначать соответствующую оплату. Военные тут же все заявки на патентование обрабатывали и вне всякой очереди выписывали патент. В среднем через неделю или две каждая заявка получала документальное подтверждение.

Теперь началась война в другом ключе. Пример: звонит первый секретарь горкома. Оказывается, старый революционер испытывает крупные финансовые затруднения, нельзя ли ему помочь. Ответ: мы не благотворительная организация, но можем устроить многодневное интервью, пусть он расскажет о подпольной жизни до революции. Мы откроем лабораторию истории партии, и эти беседы будут отправной точкой для дальнейших научных исследований. Дело было летом. Предупредили, что революционер будет жить в пансионате. Его будут хорошо кормить, все сказанное будет записано на магнитофонную ленту, перепечатано, и за выжимку этих сведений он получит реальную сумму, месячную зарплату профессора за неделю. Но и даже в этом деле партийцы пытались уколоть, подложить свинью.

Некоторые события разворачивались как детективная история. Появился человек преклонного возраста с ехидной улыбкой и представился революционером-подпольщиком. Но первая же беседа показала, что он никакого отношения к революционной деятельности не имеет, хотя и настаивает, что сыграл выдающуюся роль в революционном движении. В течение первой же недели сотрудничества выяснилось, что он

старый провокатор царской охраны. Ему повезло, что революционеры-подпольщики впоследствии стали троцкистами, и во время массовых репрессий 30-х гг. бывший провокатор получил работу в НКВД и участвовал в ликвидации этих революционеров, за что получил благодарность и правительственные награды. Сведения о подпольной деятельности были позаимствованы им у репрессированных.

На ловца и зверь бежит. В это время в Западной Германии у потомков бывшего руководителя нашего городского отдела жандармерии был выкуплен дневник с подробным описанием агентуры и фотографиями. Среди этих материалов оказались и документы о нашем визави, которого хватил инфаркт, когда перед ним эти документы развернули. Жить ему оставалось не более полугода, но ему обещали, что, пока он живет, материалы в суд не передадут. Зато каждый день его будут поить коньяком. Взамен он должен чистосердечно рассказать о том, какие сведения интересовали полицию, и каким образом он их добывал. Полубовно договорились, и его рассказы пролили свет на многие неизвестные страницы рабочего движения. Слухи о том, что городской комитет партии выдает шпионов за революционеров, быстро распространились по городу. И когда в горкоме снова хотели прижать нашего героя, он пообещал, что все эти сведения будут распространены и напечатаны как художественное произведение, но все имена, фамилии и адреса останутся подлинными. Все это докажет, что среди партийного руководства существует высокий процент дебилов и это не случайность.

Самым удивительным в этой истории было то, что как раз появился человек из партийного руководства, и под его началом был написан за месяц внушительный том, где с мельчайшими подробностями описывалась работа провокатора царской охраны... Книга была издана через полмесяца и разошлась очень быстро. Трижды допечатывался тираж, книга

появилась за пределами республики. «Провокаторское ремесло» – таково было ее название. Но на Северном Кавказе при переиздании название изменили на «Будьте прокляты».

В то время у нашего героя усилились контакты с ГРУ и ему сообщили, что его агентурное имя – Октоваг. Слово октава – музыкальный термин. Нашего героя смущала последняя буква «г», но по своим каналам он выяснил, что это аббревиатура от слов Октавиан Август – имя первого после устранения республики римского монарха. Психологи из ГРУ выяснили, что у нашего героя много общего с императором. Октавиан протестовал, когда его называли господином, и всячески старался избегать торжественного церемониала встреч и проводов. Создав единоличную власть, он не принимал ни титула царя, ни титула императора. Т.е. это был человек, который всегда довольствовался минимально необходимым или чуть больше «критической точки».

Июль того года наш герой провел в Подмосковье. Тут ему рассказали о феноменальной способности его отца чувствовать спиной врага на расстоянии 50 м, стрелять не целясь и попадать в него, при этом не поворачиваясь к врагу лицом. Тренировки для развития способностей проводились со специальными пулями, наполненными снотворным. Оболочка пули была сделана из материала, быстро растворяющегося в воздухе. Нашему герою было предложено провести тренировки. Сидит он на табуретке, а какой-то товарищ тихо проходит мимо. Необходимо быстро достать пистолет и через собственное плечо стрелять. В случае попадания человек падает «замертво» и просыпается через двое суток, а потом проводится обычное лечение... Первое попадание у нашего героя получилось на двенадцатый день. Стопроцентного результата он достиг к концу месяца перед отлетом на родину. Позже он выяснил, что такой феномен возможен только у одного человека из восьмидесяти.

За это он получил очередное звание, капитана, и должен был отправиться с этим званием в Сибирь. Приближались часы расставания с университетом, и в это время появились какие-то идеологи и разъяснили ему трагическое несовпадение интересов рабочего класса и интеллигенции и взаимную ненависть между ними. Какие же были доводы? Они говорили, что интеллигенция делала Октябрьскую революцию не для рабочих, а для себя, т.к. новая власть открывала новые университеты, новые крупные стройки – места для интеллигенции, а рабочий класс был средством, а не целью. И массовые расстрелы 30-х гг. якобы были новой революцией, в ходе которой рабочий класс окончательно захватил власть, а интеллигенции указал ее место.

Разумеется, любому человеку не запрещается иметь свои теории. Однако вся эта пропаганда была направлена на то, чтобы доказать, что наш герой – стопроцентный интеллигент, который и слышать не хочет о том, чтобы быть чьим-то помощником или хотя бы заместителем, т.к. этот товарищ выдвигенец и защитник рабочего класса. На все эти доводы наш герой отвечал, что если он технический деятель, то ничьим заместителем он действительно стать не хочет. Другое дело, если его заставят заниматься политикой. Тогда он будет подчиняться любому выдвигенцу, хотя, конечно, и неохотно. Но т.к. они не хотели предоставлять ему никакой мало-мальски политической должности, то необходимость быть помощником функционера отпала сама собой.

Наступило двадцать третье августа 1957 г. Диплом был получен, оставалось последнее: сняться с комсомольского учета. Он приехал рано утром в Ворошиловский райком комсомола, но его сняли с учета только к четырем часам дня. Очереди не было. Весь день он ругался с девушкой – сотрудницей райкома. Она с самого начала сказала, что велено отпустить его без проволочек, но отпускать не хотела. Она – его

хорошая знакомая – стыдила и бранила его за то, что он уходит из республики. Говорила все, что угодно, и обещала выйти за него замуж, если он останется. Он согласился взять ее в супруги, но с тем условием, что они немедленно регистрируются и «уезжают в далекие края искать счастья». Обедали вместе в столовой райкома. Она представляла его как будущего супруга, и все хвалили ее выбор. Он предупредил, что это опасно... Поэтому они тут же должны были сняться с учета, сесть на самолет и улететь в Новосибирск, в почтовый ящик N 39, тогда он назывался Институтом космических исследований. Она вначале вроде бы согласилась, но потом сказала, что ее отругал секретарь райкома, что она не может бросить своих родных и поехать в холодную Сибирь, где зарплаты мужа не хватит даже на обувь. Да и райком предлагает ему должность заместителя председателя в том учреждении, где он уже был председателем. Вместе с секретарем райкома они долго сидели, обсуждали ситуацию и доказывали нашему герою, что огромные средства идут в карман «плохой» молодежи, хотя они и изобретатели и рационализаторы, что существует много очень талантливой молодежи, которой нужны их идеи, чтобы заниматься изобретательством. Райком намерен отобрать идеи «плохой» молодежи и передать их хорошей, которая наверняка более талантлива. На вопрос, как может молодежь быть талантливой, если она сама не является генератором идей, ему ответили, что у партийных органов есть свой опыт работы, что настоящий комсомолец должен получать умеренную зарплату и этим довольствоваться, что хоздоговорные работы рождают алчность и неподчинение комсомольскому и партийному руководству. Он пытался контраргументировать тем, что больших денег талантливым людям не жалко, тогда как выдвиженцы, которых еще откуда-то надо снабжать техническими идеями, просто обыкновенные паразиты, а значит, паразитической является и та

партия, которая их навязывает и на них опирается. Рано или поздно вы этих паразитов примете в партию и назначите на руководящую должность. Таким образом, произойдет «разбавление» партии иждивенцами, вымогателями и злоупотребителями.

Между делом секретарь райкома признался, что он тоже когда-то пытался заниматься изобретательством. Однако ребята, с которыми он работал, взяли все чертежи и уехали в другой город. Стало ясно, что секретарь райкома является таким же иждивенцем, с которым не захотели поделиться партнеры-изобретатели. Эта история произвела очень сильное впечатление на девушку. Она отозвала нашего героя в сторону и сказала, что через полчаса он найдет в кармане своего плаща документы о снятии с учета. Пока наш герой сердечно беседовал с секретарем, рассказывая о том, каким образом удавалось единолично распоряжаться столь сложным хозяйством и точно определять патентопригодность изобретения, документы были оформлены. Наконец, без ведома секретаря они расстались. Девушка вышла проводить нашего героя <...>. Но в тот же день вечером она была изнасилована группой молодых активистов, чтобы он не мог уехать с «их» девочкой... Он покинул родной город навсегда.

Свою квартиру он оставил двоюродному брату, за полгода до этого прописав его, а еще через полгода переписал ордер на его имя. Поэтому можно было не бояться, что квартиру отнимут.

Уже находясь в соседней республике, он узнал, что «дом изобретателей» конфискован, всех изобретателей трудоустроили по капризу райкома, а на их место были приглашены «достойные люди». Но те не смогли своим изобретательством содержать это огромное здание, поэтому их тоже выселили. Военным удалось это здание вернуть себе и пустить под временные квартиры приезжавших офицеров.

Со стороны ГРУ соседней республики большого внимания к нашему герою не было. Оно возобновилось лишь в Сибири, когда в 39-й почтовый ящик через силовые структуры его «пригнали» насильно, а пропущенный год оформили как отдых «по состоянию утомленности». Год жизни в соседней республике совпал со знаменитыми событиями в Москве и стране – с 40-летием Октябрьской революции. С докладом выступил Хрущев. Пожалуй, это было его самое содержательное выступление за все время пребывания у власти. А то, что он говорил позже, было повтором. Тем не менее, из этой речи Хрущева следовало, что во главе государства стоят люди сугубо некомпетентные, и что вся тяжесть управления государством от правительства переходит к органам безопасности. Роль ГРУ трактовалась как роль поставщика советников для молодых и бездарных госдеятелей, выдвинутых хрущевщиной.

В начале декабря 1958 г. к нашему герою в республику приехал его главный наставник генерал Телегин. Он рассказал о двоевластии, которое установилось из-за того, что с высокооплачиваемых должностей изгоняются люди, выигравшие войну. Однако новые властители способны лишь показывать свою резвость. Они имитируют бурную деятельность, а когда знающие люди пытались с ними дискутировать, то из разговоров выяснилось, что эти ребята не имеют ни малейшего представления о том, о чем сами говорят. Но в их руках находились финансы и возможность присвоения воинских званий.

Уже тогда стало ясно, что армия будет деградировать. К этому времени советская военная промышленность выпустила замечательные виды вооружения... Однако генерал был уверен, что и здесь деградации не избежать. Наконец, выяснилась главная причина его приезда. Решено было нашего героя за рубеж не посылать: в связи с изменением политической ситуации появились новые задачи внутри страны для людей такого уровня подготовки. Генерал говорил о стран-

ном феномене: руководители Русской православной церкви (РПЦ) проявляют интерес к новому научному центру, который будет открыт в Новосибирске. К тому времени уже существовало постановление партии и правительства о создании такого центра, и церковные бонзы стараются, чтобы в новом научном центре работало как можно больше верующих ученых... Генерал сказал, что вакуум партийной государственной власти хочет заполнить власть православная. Все бы ничего, но это еще больше запутывает ситуацию. В принципе, верно, что науку надо приближать к ресурсам. Возможно и то, что столицу в будущем перенесут в Новосибирск. Поэтому РПЦ и хочет получить в этом городе абсолютную власть. Генерал говорил о вещах, которые он понимал как старый политработник. Церковное руководство хочет застраховать себя от будущих преследований, но положение осложняется тем, что Новосибирск по своим географическим и демографическим позициям напоминает немецкий город Мюнхен, где возник и распространился по всей Германии немецкий фашизм.

И Мюнхен, и Новосибирск близ себя не имеют крупных городов, сами будучи таковыми. Оба находятся в районе высокой аграрной культуры, а значит, города в основном заполнены выходцами из деревни с соответствующими привычками и мелкобуржуазной психологией. РПЦ лишь подготовит почву для фашистского переворота, особенно если Новосибирск станет столицей. Таким образом, внутри этого города нужны люди закалки ГРУ, чтобы хотя бы нейтрализовать агентуру РПЦ. Да, знание Библии увеличивает журналистские способности человека, но этих дополнительных способностей недостаточно для того, чтобы руководить научно-техническим прогрессом. Генерал уже тогда предсказал, что блестящие научные открытия будут абсолютно бесполезны для сибирской промышленности, т.к. для этого (тогда слово «внедрение» не употреблялось) нужны были молодые люди, желающие сразу

зарабатывать большие деньги, что при социалистическом строе невозможно. Он сказал, что 60% всей промышленности Новосибирска – это исключительно оборонка, гражданской продукции она не выпускает, хотя и могла бы. Поэтому основными потребителями сибирской науки будут военные. Между тем гражданская продукция могла бы значительно повысить налоговые поступления, которые не только снимут социальную напряженность, но и позволят увеличить поступление средств на ту же оборонку.

Генерал сказал, что хрущевистам, возможно, удастся усилить военную промышленность, но управлять гражданской они не способны. Поэтому наша цель, цель бывших сталинистов, – способствовать развитию гражданской промышленности. Это должно произойти через воспитание гражданских кадров, которые, оставаясь по убеждению коммунистами, все же обладали бы достаточными коммерческими способностями. В этом отношении ГРУ рассматривает бакинский опыт студентов и преподавателей местного университета как уникальный и надлежащий дальнейшему распространению по всему Союзу. Генерал сказал, что, случись это при Сталине, нашему герою было бы очень легко выхлопотать кремлевский кабинет и внеочередные полковничьи погоны, свободное посещение всех университетов Союза и создание при них внедренческих фондов, которые будут расти без помощи извне. Почему генерал говорил об этом уверенно? Да потому, что он хорошо знал об удаче в ФРГ с обществом им. Й. Фраунгофера и неудаче в ГДР с созданием аналогичной организации, т.к. «преданные» партийцы в ГДР не желали уступать часть своей власти. Партийное руководство в ГДР и слышать не хочет о том, что кроме него кто-то еще будет заниматься распределением денег. Кроме того, опыт бакинской университетской молодежи был ценен тем, что их деятельность разворачивалась в годы сталинщины под большевистским

контролем, внутри которого образовалась и защищала сама себя коммерческая структура. Было хорошо усвоено, что такую структуру может возглавлять только человек с исключительными природными данными, и что партийные выдвиженцы на этом посту будут просто бесполезны. Главная большевистская убежденность в том, что достаточно занимать руководящую позицию, а все остальные навыки и знания сами собой приложатся, оказалась ложной, ибо там, где научно-технические идеи непосредственно обменивались на большие деньги, необходимые для этого знания сами собой почему-то не появляются!

Выдвиженец до конца жизни остается выдвиженцем, неспособным уяснить, что вокруг него происходит. Генерал сказал, что это все очень хорошо понимают в ГРУ, но в Политбюро подобно собратьям из ГДР никто этого понимать не хочет. Поэтому придется действовать автономно из чисто патриотических побуждений... И, наконец, последняя задача. Генерал поставил условие ни с кем не писать статьи в соавторстве. Если работа все-таки совместная, то лучше зачеркнуть свое имя и потребовать взамен деньги. В ГРУ и других инстанциях постоянно спорят, может ли существовать советский научный сотрудник, который за всю жизнь не опубликовал ни одной статьи совместно с кем-то. Большинство отрицает такую возможность, мотивируя это тем, что в противном случае такие товарищи, как Хрущев, не пришли бы к власти. Было точно подмечено, что научные работники, довольные существованием Хрущева, – это или родственники людей, которых Хрущев реабилитировал, или научные работники, 90% творчества которых – соавторство. Таким образом, соавторство становится мерилom, меткой хрущевиста. Так сказал генерал.

Он показал картонную коробку, в которой лежали докладные о недопустимости разрешения студенту распоряжаться большими финансовыми средствами. И на всех этих документах стояла резолюция: «Разрешить в качестве эксперимента».

В коробке находились доносы в высшие партийные инстанции за все время деятельности нашего героя с первого по пятый курс. Но ГРУ удавалось такие документы быстро изымать и подготавливать ответы доносчикам за подписью одного из ставленников ГРУ в промышленном секторе ЦК. На всех четырехстах двадцати восьми доносах была написана одна и та же резолюция: «Разрешить в качестве эксперимента». А доносчикам писались развернутые ответы, в которых всем им предлагалось разработать иные пути передачи научных достижений в производство и даже самим возглавить такие подразделения. Потом им разъяснялось, что пусть пока этим занимается самородок, а потом, изучив его архивы, можно будет воспитать других, более честных руководителей...

С генералом наш герой больше не встречался. Расстались они очень тепло. Генерал выразил уверенность в том, что в сложных условиях религиозного и мелкобуржуазного давления в Новосибирске будут найдены средства против информационного бандитизма, выдаваемого за защиту государственных интересов. Наш герой уехал на целину вместе со студентами университета. Там он занимался погрузкой в вагоны мешков с пшеничной мукой и к осени, получив расчет, уехал в Новосибирск через Челябинск. А по дороге познакомился с интересными товарищами, с которыми потом дружил всю жизнь...

Часть 5

В этом большом городе нашему герою придется жить до преклонного возраста почти безвыездно, если не считать командировок. В этом городе у него было две семьи и пятеро детей. Ему пришлось пройти все круги ада, т.к. здесь не любили людей с независимым мышлением. И, наконец, именно здесь он увидел все язвы науки, все виды информационного бандитизма и их стопроцентную безнаказанность.

В науке не существовало советской власти: если в производственных условиях кое-как можно через профсоюз добиться справедливости, то в науке завлаб – второй после Бога. Ни один директор не рискнет отменить решение завлаба. В общем, любые жалобы в науке на предвзятое отношение к себе считаются дурным тоном. Хорошо, если должность завлаба занимает фанатик науки. Такой руководитель увлекает, привлекает, и становится очень легко шагать по научной лестнице. Но чаще всего способного старшего лаборанта или младшего научного сотрудника к таким фанатикам не допускают, т.к. фанатики вместе со способными подчиненными не живут интересами коллектива, а работают только на свой карман. Поэтому таких людей не жалуют.

Под интересами коллектива иногда подразумеваются странные вещи. Например, если молодой человек собирается жениться, то это идет во вред интересам коллектива, т.к. из общего фонда требуется квартира. Наоборот, холостому научному сотруднику давали квартиру, если он опубликует 4-5 статей в соавторстве, причем соавтором должен быть ветеран научного коллектива. Ублажение ветеранов считалось высшей

гражданской доблестью. Никого не смущало, что соавторы ничего не смыслят в данном вопросе. Считалось, что наука — это средство добывания личного комфорта, и любая возможность публикации на стороне рассматривалась как воровство общего добра из общего набора благ, который принадлежит коллективу. Любые разговоры о защите авторских прав называли лицемерием и нарушением «правил игры».

Таким образом, рядом существовали две науки, два научных сообщества. Одно научное сообщество развивалось под покровительством академиков с полной гарантией выдвижения сотрудников наверх. Другое научное сообщество — это некое бесформенное образование, в котором должен выдвигаться в первую очередь ветеран, т.е. тот, кто первым пришел в лабораторию. Пока он не станет кандидатом, никто не имеет права защищаться. Пока два-три ветерана не станут докторами, никто не имеет права защищать кандидатскую. Как только завершается научная разработка, сразу начинают думать, какой из ветеранов будет ее основным «открывателем». Хорошо, если основной открыватель все-таки входит в состав «открывателей» собственного открытия. Иногда дело доходило до того, что его из соавторов вычеркивали. Тогда случался конфликт с последующим увольнением «мятежника». Но дело принимает дурной оборот, если на новом месте мятежник пишет еще более содержательные статьи. Ветеран-хапуга быстро разоблачается, и к нему все начинают относиться с презрением. Чтобы этого не случилось, изобрели и строго соблюдали «основной закон общественной жизни сибирской науки»: уволенный из одного института Академгородка не мог быть принят в другой институт Академгородка. Это мотивировали тем, что так исключалась возможность переманивания кадров. Т.е. если ты не прижился в науке, то иди на производство или вообще уезжай из Новосибирска.

Соотношение правильной науки к паразитической – 35% к 65%. Наш герой также заметил, что такие административные меры соблюдения внешней респектабельности в науке свидетельствуют о том, что интересы государства здесь не играют никакой роли, что партийное руководство наукой – фикция, что борьба против соблюдения авторских прав с целью защиты прав ветеранов есть способ натравливания интеллигенции на советскую власть. Из истории человечества известно, что любая организация посредственностей, задавшаяся целью держать в рамках способных людей, – это канун новой жестокой революции. Следовательно, наука жила, и ВПК отбирал себе разработки, а затраты на остальную науку – это деньги, потраченные впустую. Но все это никого не беспокоило.

Нашего героя интересовали три научных направления: сильные токи, слабые токи и биологические закономерности. По всем этим направлениям он работал по трем ступеням – завод, вуз, Академия. Когда его выгоняли из Академии, он сразу искал место в вузе. А если и там «становилось скучно», то он перебирался на завод. Но с завода его всегда охотно снова принимали в Академию, т.к. его специальность «математические методы статистики» была наиболее полезна в заводских условиях, где он занимался снижением процента брака.

В академических условиях каждый эксперимент стоил больших денег. Поэтому приезд такого человека, способствующего экономии выделенных средств, считался способствующим интересам коллектива. Узнав, что наш герой уже был сотрудником Академии, и что его выгоняли за отказ от соавторства, ему начали предлагать хоздоговорную систему сотрудничества, чтобы не брать в штат. Но по мере «срабатывания» они понимали, что интересы коллектива больше соблюдаются при реализации режима трудовой дисциплины, под которым подразумевалась необходимость заставлять способного

человека – информогена – ходить на работу каждый день, чтобы ветераны могли путем «перекрестного допроса» вытягивать из него всю необходимую информацию и быстро опубликовывать ее, пока тот не очухался. Следовательно, стояла дилемма: или принимать в штат и на этом греть руки, или оформлять хоздоговорное соглашение, но с двойной оплатой. В этом случае информагент приходит на работу раз в неделю на пару часов и тут же уходит, чтобы выданные им сведения самостоятельно переваривались тугодумами-ветеранами лаборатории.

Нашего героя сразу брали в штат, так что для него никогда не существовало проблемы возвращения в Академию. Единственная неприятность была в том, что попасть из одного академического института в другой наш герой мог лишь пройдя цикл Академия – вуз – завод. Особую ярость к себе наш герой ощущал со стороны партийного руководства. Каждое из трех возвращений в Академию доказывало, что он парень с головой, и люди охотно с ним работают, тогда как каждое изгнание из академии должно рассматриваться как изгнание невежды, которое зачислялось в актив партийного руководства. Но если человек возвращается в Академию, значит, партийцы ошиблись. Однако это противоречило тезису «партийцы никогда не ошибаются». Таким образом, независимо от личных политических убеждений наш герой одним фактом своего существования ставил под сомнение авторитет партийного руководства; начинали поговаривать о том, что партийное руководство не помогает, а мешает утверждению научных личностей.

Когда праздновали сорокалетие Академгородка, то вина за то, что за все это время не было выращено ни одного нобелевского лауреата, была возложена на партийные органы. Механизм подавления потенциальных нобелевских лауреатов был очень прост: как только появлялось какое-либо научное

открытие, его делили на 10-15 частей, а каждую из этих частей делили еще и между соавторами, поэтому среди этих 3-4 десятков людей нельзя было выделить одного, чтобы выдвинуть на Нобелевскую премию. Получилась скандальная ситуация: крупные научные открытия есть, но нет личностей, выделяющихся на общем фоне. С точки зрения советской власти это считалось справедливым, т.к. бытовые блага распределялись якобы равномерно.

Все эти выводы были еще далеко впереди. Но жизнь нашего героя в большом городе началась в гостинице при вокзале, где он провел две недели. В 39-й почтовый ящик его приняли, была назначена зарплата и поставлены задания. Все они относились к «улучшению сходимости рядов». В то время ЭВМ было очень мало, квалифицированных программистов еще меньше, и числовые расчеты делались вручную. Поэтому улучшение сходимости рядов было единственным средством получить параметры для конструирования измерительных систем. Но в почтовом ящике сказали, что направление направлением, а в институт нужно оформлять допуск. В то время это длилось от трех до восьми месяцев, поэтому нашему герою приходилось устраиваться еще кое-где. Он проверял контрольные работы заочников института связи; успел устроиться сельским учителем, причем каждую пятницу приезжал в город, чтобы в субботу (тогда это был рабочий день) представить свои расчеты 39-му почтовому ящику. А те были довольны, т.к. очередное улучшение сходимости рядов давало возможность быстро вычислять параметры для конструирования. Неустроенной оказалась личная жизнь нашего героя. Сначала для того, чтобы заглушить боль, он ходил по улицам города, восхищаясь видами деревянных кружев на фасадах зданий. Раз сибиряки любят красоту, то устроиться можно. И в самом деле, переход из юношеского возраста во взрослую жизнь произошел именно в это время. <...>.

Ему дали понять, что в Доме офицеров на третьем этаже есть комната, где его ждут. Там ждала зарплата от ГРУ. Ритуал был таков: в субботу рано утром он приходил в Дом офицеров позавтракать в буфете, оттуда шел через коридор в комнату, переодевался в военную форму с погонами капитана и, переходя в другое крыло, поднимался на самый верхний третий этаж. Там его принимал пожилой майор, начальник финансовой части, вручал деньги под роспись. После получения денег, сумма которых была примерно равна трем зарплатам инженера 39-го почтового ящика, он спускался на второй этаж в крайнюю изолированную комнату к красивой женщине с погонами лейтенанта, которой он докладывал (низшей по званию) о своих первых шагах на новом месте жизни. Встреча маскировалась как любовное свидание и действительно <...>.

Но вернемся в 39-й почтовый ящик. Местный отдел кадров узнал, что наш герой работает в деревне учителем. Они потребовали, чтобы до оформления допуска он ждал на территории ящика и всегда был под рукой. Разговор этот совпал с зимними школьными каникулами, и наш герой решил быть под рукой. Вскоре кадровик объявился и велел таким же ждущим таскать кирпичи как подсобным рабочим. Объяснил это мягко, что объект-де секретный, и что даже на строительные работы нельзя привлекать кого попало. Поработав один день в 35-градусный мороз, наш герой на второй день отказался выйти на строительство, сказав, что он инженер, а не подсобный рабочий. Кадровик был взбешен и тут же уволил нашего героя за неявку на работу. Руководитель лаборатории развел руками: если тебя не уволят, то и другие тоже откажутся выйти на стройку. Расстались мирно. Завлаб выписал большую сумму премиальных. Было сказано, что оформление допуска будет продолжаться, и что со временем приказом директора наш герой будет восстановлен на работу с выплатой за вынужденные прогулы. Завлаб просил также по субботам при-

ходить, но не в институт, а к нему домой, и продолжать сотрудничество в прежнем режиме. Вскоре пришлось расстаться и с сельской школой <...>.

Наш герой сделал отчаянную попытку устроиться преподавателем пединститута. Ему удалось доказать завкафедрой математики, что математическая культура связана с математическими методами статистики и является для сельских учителей хорошим подспорьем, т.к. связана с решением практических задач. Боле того, завкафедрой физики хотел переманить его к себе, т.к. преподавание статистической физики в институте трудно воспринимается будущими сельскими учителями, а тут общая теория математики, которую можно применить где угодно, в том числе и в физике. Потом наш герой понял, почему тянет пединститут. Оказывается, в городе не было университета (он будет создан через год), и вся городская аристократия – это выходцы из педагогического и водного институтов... Другие институты поставляли кадры для административного аппарата, а партийный аппарат тогда все еще комплектовался в основном из водников и педагогов, и поэтому все задания ГРУ касались исключительно этих двух институтов. Поэтому наш герой считал, что быть преподавателем пединститута вполне достаточно, чтобы считать себя частью отряда молодых ученых Сибири.

Это было время, когда Академгородок еще не был построен, и каждый институт Сибирского отделения имел две-три комнаты в здании, где раньше помещался железнодорожный институт. Получив новое роскошное здание, железнодорожники уехали, а их старое помещение было отдано Лаврентьеву на его личное усмотрение. Там же, в трех комнатах будущего Института математики, проходил еженедельный семинар на самые абстрактные математические темы. Наш герой умудрился втиснуться в этот научный семинар и почувствовать передний край разработок математической на-

уки. Работая преподавателем матстатистики в педвузе, он мог перебраться в Институт математики. Все испортили институтские кадровики <...>.

Вскоре через милицию его вызвали в совнархоз, где состоялся крупный разговор. Мол, в Советском Союзе безработных не должно быть. Ты нигде не работаешь, никому не известно, на какие средства живешь. Они проверили, ни из каких мест он переводов не получал, но в то же время хорошо известно, что он принимал участие в судьбе <...>.

Они считали это единственным источником его доходов <...>. Они, оказывается, наводили справки в сельской школе и в почтовом ящике №39. Отзывы были хорошими. В сельской школе наш герой подготовил несколько учеников к математической олимпиаде, и их всех рекомендовали в будущую ФМШ, созданную Лаврентьевым. В 39-м почтовом ящике объяснили, сколько времени и денег они сэкономили благодаря суммированию рядов, специалистами в которых могут быть люди разве что из Академии наук. Ни в одном городском вузе таких знаний не давали. Но все-таки нашего героя надо было уволить с работы, т.к. он при всех своих положительных качествах являлся заносчивым человеком и создавал проблемы для текущего руководства. Заместитель председателя совнархоза, которому лично поручили разобраться, в сердцах воскликнул: «Наш общественный строй самый справедливый в мире! Поэтому хочешь не хочешь, а придется работать, безработицы не допустим.» <...>.

И тут они назвали второе место работы – Новосибирский турбогенераторный завод, отдел главного конструктора СКБ, бюро расчетов, должность заместителя заведующего. Сказали, что со временем после испытательного срока можно самому стать заведующим. А там его нынешний глава – талантливый инженер – выдвинется на более высокую должность. Правда, новое место работы находилось не в центре и

в менее благоустроенном районе. Но ты, мол, молодой – поездишь и на трамвае. Сомнение у нашего героя было только одно. Почему они называли его безработным и даже <...>, ведь он получал значительные деньги из ГРУ. Но тут же, подумав, понял, что, вероятно, в ГРУ не хотят, чтобы он «светился». В совнархозе нашему герою сказали, что им позвонили из отдела кадров института, мол, забираете хорошего специалиста <...>. На вопрос, какое имеет отношение совнархоз к педагогике, ответили кратко: органы госбезопасности – единая система. Выходило, что отдел кадров пединститута, как, впрочем, и все отделы кадров всех учреждений, является частью КГБ, и его собеседник, первый заместитель председателя совнархоза, вовсе не хозяйственник, а кагэбэшник. На турбогенераторном заводе нашего героя встретили весьма холодно. Еще бы, первая же запись в трудовой книжке – «уволен за прогулы». Тут же был задан вопрос: ты что, алкоголик? Но все-таки на работу приняли: оказывается, был звонок из горкома партии. Характеристика была убийственной: «Парень по существу противник советской власти, и с этой точки зрения ни в коем случае нельзя принимать его в партию, но как профессионал он вызывает восхищение, посещает семинар при Институте математики и наверняка будет полезен при расчете полей между частями электрических машин». Приняли с двухмесячным испытательным сроком. Но тут же главный конструктор сказал, что это формальность. Считайте, что вы наш сотрудник.

Оказалось, что из всей математики их интересовала всего одна ветвь: «при помощи комфортных отображений по формулам Шварца-Кристоффеля отобразить многоугольную область в полосу, где силовые линии являются прямыми линиями и взаимно перпендикулярны». Графиками отображающих функций являются траектории силовых линий и по ним можно проследить, где силовые линии наиболее сгущаются, ибо по ним определяется необходимое условие изоляции. И все! Но

ни о какой математической статистике они и слышать не хотели. Наш герой почувствовал, что эта работа ущербна, хотя она и приносила немало пользы.

После четвертого такого результата нашего героя назначили в бюро расчетов. Он даже заявления не писал. Его просто поставили об этом в известность, увеличив при этом вдвое зарплату. Было несколько забавно, что все работники бюро были членами партии, а он лишь комсомольцем. Главный конструктор завода обещал дать рекомендацию в партию, но из отдела кадров ему сообщили, что парень принят с условием, чтобы в партию его не принимали. То, что он успешно работает, это не его заслуга, т.к. мы других и не берем (такова была логика партийной и кадровой политики.) Казалось бы, жизнь терпима. Но обвинение в антисоветчине наш герой объяснил: папа и мама были членами партии, я же вижу тех, кто высказывает мнение в вопросах, в которых ни черта не смыслит. Не моя вина, что среди таких людей чаще всего встречаются партийные деятели. У них такая мания – всех воспитывать. Но как ты можешь воспитывать, если в затронутых вопросах ни черта не смыслишь? На все эти доводы слушатели согласно качали головами. Наконец, пришли к выводу, что парень сам хочет стать партийным руководителем, чтобы подмять под себя любые точки зрения.

Обычно местом таких разговоров была столовая. Совсем незнакомые люди подходили и торговались, мол, как же мы сделаем тебя партийным руководителем, если тебе заказан путь в партию? Наш герой отшучивался тем, что у него есть три года комсомольского возраста в запасе. Из комсомола не выгоняют, и на том спасибо. Вероятно, через год-два он уйдет в Академию наук, а там «все свои». И существует только одна ступень научного роста – из младшего научного сотрудника стать старшим научным сотрудником, многие академики даже не завлабы. За звание академика они получают 400 руб. За

старшего научного сотрудника – 350. Остальные их заработки связаны с написанием книг и на это они, получая авторские гонорары, живут припеваючи. И тут собеседники нашего героя ехидно добавляли, что академику вовсе не выгодно быть членом партии, т.к. не придется платить 10% членских взносов.

Таким образом, интересы промышленности требуют, чтобы завод не допустил перехода нашего героя в Академию. Это они говорили с полным знанием дела. Из отдела кадров приходили товарищи и сказали, что единственный путь ухода с завода – это вторая запись о прогулах в трудовой книжке. Почувствовав шантаж, наш герой решил пойти ва-банк. Или вы мне предоставляете квартиру, т.к. я собираюсь жениться, или я уйду туда, где предоставляют квартиру. В ответ ему сказали: сначала женись, а там видно будет. Имелось в виду, что наверняка найдется женщина с квартирой, и на заводе предлагают такую найти <...>.

Часть 6

Итак, стало совершенно ясно, что, не имея ресурсов материального плана, партийцы были полны решимости заменить материальные ресурсы духовными. Во-первых, они негодовали, почему нашему герою не подходит место в общежитии. Надо сказать, что завод действительно располагал весьма комфортабельным общежитием. Будучи в гостях, наш герой видел, какие это благоустроенные комнаты, какая чистая постель, и простынь меняется два раза в неделю. Обширное четырехэтажное здание, на каждом этаже буфет, несколько свободных мест, куда селили гостей. Был намек на то, что если он останется там ночевать, то <...>. Было чему удивляться. Крупнейший завод Сибири, разумеется, располагал жильем, причем очень высокого качества: паркетный пол, декоративные украшения в квартирах. Некоторые большие квартиры имели даже по два балкона. Однако эти квартиры давали в момент запуска завода, в них жила элита. Но это та элита, которая руководила заводом в момент пуска. Как только завод начинал работать нормально, никакого жилья не строилось и не выдавалось даже из городского жилого фонда. Ответ был прост: надо запускать другие крупные промышленные предприятия. Таким образом, городская советская власть не планировала нового жилья для новых сотрудников, которых набрали бы при расширении самого завода. Был, конечно, хитрый способ, при помощи которого любой работник завода мог бы заработать себе квартиру. Человек уходил на год на стройку, получая зарплату со своего старого места работы. Он должен был отработать определенный объем строительных работ (за-

четы). Этим пользовались в основном рабочие завода и некоторая часть интеллигенции – инженеры, не занимавшие руководящих должностей. Не хочешь жить в общежитии – иди на стройку. В то время пришедшим позже руководителям ничего не светило. Была, правда, надежда, что через три-четыре года начнут строить Затулинский жилмассив с малогабаритными «курытками», куда хрущевская власть упрятывала тех, кто хотел иметь семью. А пока выкручивайся как хочешь. Основным способом получения жилья для «опоздавших» руководителей была женитьба на девушке с квартирой. Но в то время такой девушки подходящего возраста для нашего героя не оказалось. Их уже «разобрали» более нахальные и более нетерпеливые <...>.

Его жилье должно быть не только квартирой, где будут жить его жена и дети; необходим отдельный кабинет, где он, закрывшись на ключ, мог бы разложить на столе секретные документы и писать доклады по поручению внутреннего ГРУ. Под этим подразумевалась та часть ГРУ, которая благодаря тупости хрущевской власти брала на себя обязанности по управлению государством. Вопросов было много. Но самый трудный – как подсказать занимающему руководящую позицию хрущевисту полученные выводы? Нельзя было приводить полную мотивацию, поэтому хрущевец-руководитель считал, что такие выводы ничуть не лучше его собственных. И все же они внимательно слушали и запоминали. И когда конкретному выдвиженцу грозил полный провал и служебное несоответствие, он успешно выкручивался при помощи этих подсказок. Потом стало ясно, что продуктивно можно подсказывать только тем, кто стоит перед служебным несоответствием. Можно вообразить, как трудно было найти таких людей – тех, кому можно подсказывать. В этом состояло 90% трудностей, преодоление которых внутреннее ГРУ щедро оплачивало. Внутреннее ГРУ не рекомендовало подсказывать

кадрам еврейской и немецкой национальности, коих в руководящих органах было чуть ли не большинство. Мотивировалось это двумя аргументами. Первое: и евреи, и немцы имеют свои каналы информационного обеспечения, поэтому связь с этими инстанциями приведет к разоблачению агента ГРУ. Вроде бы и рады всем помочь, но здесь не избежать разоблачения... Вторым доводом было то, что хрущевисты выдвигали все-таки русских людей, весьма резвых, энергичных, деловых, но с низкой культурой мышления. Подсказки ими охотно принимались, но редко кто за это финансово благодарил. За них расплачивалось внутреннее ГРУ. Но все-таки утешением было то, что внутреннее ГРУ поддерживает славянский сектор власти. К славянам причислялись почему-то армяне, грузины и калмыки. Азербайджанцы, татары и выходцы из Средней Азии туда не относились. Впоследствии был придуман универсальный способ подсказки: кто-либо из агентов внутреннего ГРУ писал письмо, где объяснялась суть дела, желательно в юмористическом ключе, и отправлял по обыкновенной почте. Письма вскрывались государственными органами, и если там обнаруживались факты делового характера, то по каким-то каналам они доводились до людей, нуждающихся в этих сведениях. Так выживал славянский сектор власти, конкурируя с сионистской круговой порукой с одной стороны и наследниками бывшей дореволюционной власти в лице немцев с другой. Интересными были отличия еврейского информационного рынка от немецкого. Заниматься этими делами, тем более в неофициальном порядке, было отвратительно, потому что это пахло фашизмом (отечественным фашизмом). Но, как в свое время сказал Хрущев в заключительном слове на XX-м партсъезде: «Цели наши ясны, задачи определены. За работу, товарищи, за работу».

Сотрудники внутреннего ГРУ плевались, но честно служили Хрущеву, ибо тогда нельзя было служить Отечеству, не

служа Хрущеву. Но как государственный деятель Хрущев имел много недостатков, главным из которых считалось то, что он не умел отличить обычный треп от серьезного сообщения. Следовательно, он и его друзья у власти не могли отличить серьезного информогена от партийного фанатика, т.к. информоген всегда поправляет ошибки, а фанатик расхваливает любые действия хрущевистов. Хрущев безбожно повторялся, усиленно пропагандируя прописные истины, которые стали надоедать не только его противникам, но и тем людям, которых он выдвигал на руководящие позиции. Поэтому впоследствии от него отказались.

Положение нашего героя осложнялось тем, что годы работы на заводе совпали со временем, когда Хрущев освободился от Булганина и стал править единолично (1958-61 гг.). В эти годы Хрущев держал власть в своих руках, а с 1961 по 1964-й гг. он лишь числился главой государства. Реально страной управляла группа людей во главе с Микояном.

Кому-кому, а работникам ГРУ было хорошо известно, что без Булганина Хрущев не смог бы одолеть Берию. Поэтому, когда Булганин оказался негодным, авторитет Хрущева в среднем звене власти резко упал, т.к. все они воображали себя отвергнутыми булганинами. Период монархизма Хрущева (он и глава партии, и глава правительства) был временем, когда руководство государством было пущено на самотек. Вследствие этого к 1963 г. произошли необратимые изменения в советской экономике в худшую сторону. Это был первый важный этап экономического разгрома СССР. Как потом будет подсчитано, экономические убытки в период хрущевщины в 2,5 раза больше, чем убытки от всех разрушений на всех фронтах у всех народов во Второй мировой войне, включая разрушения, нанесенные Китаю Японией в 30-40-е гг.

Однако внешне никто не протестовал. Период власти хрущевщины считали периодом оттепели. Интеллигенция была

настолько ей рада, что простила убытки в размере 540 млрд. долларов по курсу на сентябрь 1939 г., что в свою очередь означало материальное устаревание оборудования заводов невоенного производства. В этом и состояла необратимость негативных процессов в советской экономике.

ВПК будет усовершенствоваться до момента прихода к власти Горбачева, т.к. само ГРУ, выполняя свое прямое назначение, снабжало руководителей советского ВПК теми сведениями, которые касались новых видов оружия противника. Поэтому ВПК всегда работал на опережение, до тех пор, пока денег совсем не стало, и недостроенные авианосцы продавались Индии и Китаю, а достроенные подводные лодки начали терпеть крушения... Большевики ушли от власти, т.к. у них не оказалось денег даже на ВПК.

Теперь давайте вообразим душевное состояние нашего героя. С одной стороны, он был прекрасно информирован о том, что СССР теряет характеристики великой державы. С другой стороны, прорвавшаяся к власти рабочая аристократия хотела его «нормализовать и стандартизировать» и усиленно мешала выполнению функции внутреннего ГРУ. Хорошая девушка-библиотекарша ему неоднократно говорила, что, мол, ничего с тобой не случилось бы, если бы ты два-три года пожил в общежитии или как квартирант <...>.

Наш герой не имел возможности выполнять свои обязанности по внутреннему ГРУ и не мог сказать об этом открыто, т.к. все местные руководящие инстанции знали, что функции ГРУ вне страны. Переход части военной разведки в политическую разведку параллельно с тем, что происходило в КГБ, все считали бы оскорблением местных руководящих кадров КПСС. Они начисто исключали возможность любой подпольной деятельности даже из патриотических побуждений.

Идеологических разногласий между представителями обкома партии и нашим героем и ему подобным не было и не

могло быть. Обе стороны старались приблизить момент вступления страны в коммунистическое общество. Но представители обкома строго следили за распределением благ, в том числе женского ресурса. Как скупой хозяин, они распределяли средства по каплям. Только самое необходимое, при этом обкомовскому руководству должны были объяснять, для чего используется тот или иной ресурс. Им ничего не стоило оставить рабочих крупнейшего завода Сибири без квартир еще на два-три года после его запуска. В середине 60-х гг. они строили для этого завода малогабаритки-хрущобы, но для себя — только полногабаритные квартиры со всеми мыслимыми удобствами. Наш герой не сомневался, что стоит руководству внутреннего ГРУ захотеть быть откровеннее с секретарями обкомов о важности обязанностей агентов, как для него нашлась бы и квартира, и много комнат в ней, и либеральное отношение к его похождениям... Но в том-то и дело, что внутреннее ГРУ никак не хотело быть откровенным с партийными органами. Внутреннее ГРУ выполняло работу партийных органов абсолютно бесплатно, надеясь, что партийные органы снабдят их агентов всем необходимым хотя бы потому, что это были специалисты сверхвысокого класса. Во-первых, как минимум два высших образования, гражданское и специальный вуз; во-вторых, это были люди с исключительными природными способностями, например, феноменальной памятью (напомним, что наш герой знал наизусть 20 000 патентов по измерительной технике). Но все эти надежды были построены на песке. Однако партийная власть каждый раз давала понять, что способным людям они могут открыть доступ к ресурсам только в момент запуска конкретного предприятия, а дальше все на усмотрение партийной и комсомольской организации, которая должна принимать любые меры, лишь бы сохранить нужных специалистов на предприятии. Здесь не останавливались ни перед аморальностью поступков, ни пе-

ред криминалом. Например, нашему герою собственными ушами пришлось слышать словосочетание «вылечить специалиста». Это значило не отпустить товарища в другие, более удобные ему организации. Лучше немного «залечить», и пусть всю жизнь болеет и берет больничные – лучше иметь таких нужных специалистов в организации, чем не иметь их вообще. Таким образом, прорвавшаяся к власти рабочая аристократия закабала интеллигенцию тем, что предпочитала хронически больных интеллигентов, которые с завода не убегут. Для партийной власти главное, чтобы завод при хронически больной интеллигенции как-то функционировал. Их ничто другое не интересовало. Таким образом, заводская аристократия, образовавшаяся в момент запуска завода, делала со вновь поступающими интеллигентами все, что хотела.

Заводскую аристократию сильно раздражал внешний облик и распорядок дня нашего героя. Жил он на окраине Октябрьского района. Рано утром на трамвае добирался на работу. После работы сразу уходил с территории завода, несмотря на желание местных авторитетов с ним общаться. Автобусом он добирался до центра города в кафе «Снежинка», что находилось рядом с почтамтом. Внутри кафе было сказочно красиво, и кормили там вкуснее, чем где-либо в Новосибирске. А т.к. в то время основная часть учреждений Сибирского отделения находилась в городе, то в кафе в основном питалась молодежь – будущие асы сибирской науки. <...>.

На заводе посещение Дома офицеров считалось случайностью, а вот ежедневные посещения кафе – аристократической прихотью, недостойной честного труженика промышленного завода... Таким образом, вопрос был предельно ясен: надо найти предлог, чтобы уволиться с работы.

Наш герой поговорил с председателем заводского профкома о том, что намерен сниматься с профсоюзного учета. Тот сказал, что зря: скоро при заводе будет организован НИИ элек-

тротехнической промышленности, придут ученые, поэтому работы будет много, и даже пообещал сделать нашего героя секретарем комитета комсомола НИИ, чтобы открыть ему дорогу в партию. Председатель сказал: «Без членства в партии ты никто. Двухлетней работой ты доказал, что математик способен лучше разобраться в электрической машине, чем инженер-электрик». Ошарашенный таким доброжелательством, наш герой чуть было не согласился. Перспектива стать начальником НИИ – это большая удача. Но он хорошо знал систему партийного руководства и понимал, что на это место, скорее всего, пригласят товарища из ленинградской «Электросилы», а ему самому придется выполнять тяжелую работу.

На рубеже 50-60-х гг. почти все заводы Новосибирска имели общежития для молодежи, где специальные эмиссары партии поощряли разврат. Отсутствие квартир для нормальных семейных отношений они компенсировали большой доступностью секса и его разнообразием. Комфорт в этих общежитиях был достаточно высок, и его обитатели смеялись над неустроенностью семейных...

Стало ясно: впереди Академия. Обстоятельства показали, что в иной среде наш герой существовать не может. Для математика ежедневные хождения на работу не обязательны. Это значит, что больше времени останется для работы разведчика.

До создания Сибирского отделения Лаврентьевым в Новосибирске существовали четыре академических института: горного дела, химических аспектов металлургии, биологический и транспортно-энергетический. В последнем некто профессор Щербаков занимался проблемой передачи больших энергий на сверхдальние расстояния (по тем временам это были 1500-2000 км). Высокая профессиональная репутация нашего героя, заработанная на турбогенераторном заводе, была как нельзя кстати в отделе, который возглавлял Щербаков. <...>.

Оказывается, наш герой должен был работать в качестве математика-экономиста по оптимизации режимов управления энергетических систем: существует очень большое количество математических уравнений, и надо предложить одно, но сложное уравнение, как это делается в термодинамике. <...>.

Через неделю, когда наш герой вышел на работу, его ждала радостная весть: Щербакова назначили директором института – это был щедрый подарок внутреннего ГРУ...